

РАЗДЕЛ IV РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СТРАНОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР В АФРАЗИЙСКОЙ ЗОНЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

В статье отмечается, что в последние несколько лет влияние глобальной и региональной геополитики на процессы дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке сильно возросло, а ситуация неустойчивости стала принимать перманентный характер. Создавшийся в результате ухода США с Ближнего Востока вакуум внешнего воздействия заполняется другими игроками: Россией, Турцией, Саудовской Аравией, Ираном. Авторы предполагают, что этот фактор дестабилизации будет длительным и почти непрерывным. В статье рассмотрены некоторые очаги напряжения, показано, как долго они могут играть роль источника дестабилизации в регионе и афразийской макроне неустойчивости в целом. Делается ряд новых выводов. В частности: а) что активность Турции расширяет территорию неустойчивости афразийской макроне за счет подтягивания ее к Закавказью; б) Ближний Восток становится полигоном для обкатки новых форм взаимодействия государств в условиях развала старого мирового порядка; в) расколы и временные объединения на Ближнем Востоке продолжат создаваться и в будущем, что будет способствовать неустойчивости. Выделены в качестве новых структурных частей афразий-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ской макрзоны курдская подзона нестабильности внутри Ближневосточной зоны; складывающийся пояс реальных и потенциальных цветных революций на северной границе афразийской макрзоны. Сделан вывод, что геополитический фактор влияния разных игроков в сочетании с обострением внутреннего недовольства в различных странах остается на достаточно длительный период фактором возможной дестабилизации. Также сделано предположение, что осязтимое изменение международного порядка может начаться на Ближнем Востоке как в регионе с наибольшим градусом напряжения. В таком случае реконфигурация Мир-Системы, которая и началась на Ближнем Востоке, здесь же может начать трансформироваться в свою позитивную фазу. Но это небыстрый и трудный процесс.

Ближний Восток, как и другие части афразийской макрзоны нестабильности, всегда был в числе тех, где скрещиваются очень важные геополитические интересы. С середины XX столетия, особенно с 1970-х гг., его нефтяные богатства (плюс противостояние арабских стран и Израиля) сделали геополитическое значение БВ очень высоким. Соответственно, воздействие глобальной и региональной политики на ситуацию в регионе значительно влияло и на процессы дестабилизации.

Ближний и Средний Восток – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания всего мирового сообщества. И не только потому, что является беспокойным и конфликтным. Он постоянно преподносит такие сюрпризы и повороты, которые осязимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав, крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают питательную среду для террористов. Если к этому добавить неурегулированные вопросы создания национальных государств (курдов, палестинцев), несложившиеся нации, пестроту этноконфессионального состава населения во многих странах, колоссальные богатства, сосредоточенные в некоторых центрах, колоссальные закупки вооружения и многое другое, то картина предстает еще более яркой и тревожной (Гринин и др. 2016: 228).

Однако после того как политическая карта Ближнего Востока и Северной Африки в основном приобрела современные очертания

(то есть с конца 1960-х – 1970-х гг.), дестабилизация редко охватывала больше двух стран (такой период был в начале 1980-х гг.). С конца 1970-х гг. заложились истоки некоторых важных современных очагов нестабильности. Это исламская революция в Иране, которая сделала последний заклятым врагом США, а также Афганистан, в котором революции сменялись интервенциями, и Ирак, вступивший в затяжную войну с Ираном (нестабильность в Йемене, правда, была почти перманентной).

В результате Арабской весны, попыток ухода США из региона и других процессов, описанных нами (Гринин и др. 2016; Гринин 2020а; 2020б), влияние глобальной и региональной геополитики на процессы дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке, на наш взгляд, сильно возросло, а ситуация нестабильности стала принимать перманентный характер. Главное же, как мы уже отмечали (Гринин 2020б), заключается в следующем: поскольку США стремятся уйти с Ближнего Востока, вакуум внешнего воздействия заполняется другими игроками – Россией, Турцией, Саудовской Аравией, Ираном. При этом возникающие здесь сиюминутные или более прочные коалиции и партнерства, постоянно меняющийся баланс интересов делают такое влияние, к сожалению, длительным и мало способствующим консолидации и стабилизации региона.

В свое время мы указывали, что борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу глобального противоречия (Гринин 2005; 2008; 2009; 2018; Grinin, Korotayev 2020). Последние годы, особенно в связи с правлением Д. Трампа, все заметнее это подтверждают. Как отмечают обозреватели, реальная цель США – справиться с упадком американской империи. Это подразумевает возрождение стратегии «разделяй и властвуй» в Западной Азии с участием Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля (Эскобар 2015).

Поскольку ослабление США может быть очень длительным процессом, можно прогнозировать, что этот фактор будет действовать еще неопределенно длительное время, усиливая состояния дестабилизации.

Нельзя не отметить некоторые новые явления и повороты. **Первый** – это влияние событий дестабилизации в регионе на Европу, в частности, наплыв беженцев из Сирии и известный кризис

беженцев в Европе, особенно усилившийся в 2015 г. Это показывает нарастающую взаимосвязь событий в мире. Если употреблять терминологию А. Тойнби (1991), внешний пролетариат в Азии и Африке, просачиваясь в Европу и Америку, становится их внутренним пролетариатом, который может подрывать стабильность (см. также: Эмре 2015). В настоящий момент, правда, проблема беженцев уже не столь остра, хотя и значима. Однако можно ожидать новых такого рода «приливов» в связи как с дестабилизирующими процессами, так и с продолжающейся *африканской демографической революцией*, если можно использовать такое выражение (см.: Гринин 2020в). И это один из возможных источников нестабильности, простирающейся из афразийской макрзоны нестабильности вовне. С другой стороны, есть надежда, что такая тесная взаимосвязь событий в одной стране с судьбами многих удаленных от нее стран может послужить и определенным ограничителем негативного внешнего влияния на страны Афразийской макрзоны нестабильности, *то есть возникнет своего рода негативная обратная связь, способствующая некоторой стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и в Африке*. Попутно отметим, что в связи с кризисом беженцев возросла посредническая роль Турции как страны с наибольшей стабильностью и дееспособностью в регионе.

Второй очень важный поворот – превращение Израиля в провинциальный пункт Большого Ближнего Востока. События в этом районе меркнут на фоне других. Естественно, Израилю это не очень нравится, так же, как не нравилось, когда США начали больше интересоваться Ираном. Однако если в последнем случае Израилю удалось переломить ситуацию, то первый момент, похоже, все-таки становится долгосрочным явлением. Об этом говорит и новый тренд к примирению Израиля с арабскими странами, которые этого хотят, включая и расширение контактов с Саудовской Аравией, главным спонсором арабской коалиции против Израиля. *То есть Израиль перестает быть источником нестабильности № 1 в регионе и центром внимания всего мира*.

Рассмотрим некоторые очаги напряженности на предмет того, как долго они могут играть роль источника дестабилизации в регионе и афразийской макрзоне нестабильности.

1. Турция как геополитический игрок. Активизация Турции как геополитического игрока, в политике которого к тому же, в за-

висимости от международной конъюнктуры, на первый план выходит то неоосманизм, то исламизм, то «тюркская солидарность», как это уже случалось в начале 1990-х гг. и происходит сейчас (Исаев 2020а), существенно усиливает нестабильность в прилегающих к ней регионах. Мало того, это в последнее время расширяет территорию нестабильности афразийской макрзоны за счет подтягивания ее к Закавказью. Фактическое участие Турции в карабахской войне еще более повышает опасность дестабилизации. С одной стороны, это разжигает непреходящую турецко-армянскую неприязнь, с другой – существенно затрагивает интересы России, которая и сама, в свою очередь, пытается быть активным игроком на Ближнем Востоке. Последний, кстати говоря, становится полигоном для обкатки новых форм взаимодействия государств в условиях развала старого мирового порядка. Возникает **новый вид партнерства «друзья-враги»** (особенно это касается взаимоотношений России и Турции, но также и партнерства России и Саудовской Аравии. Довольно показательный пример такого партнерства – взаимоотношения Индии и Китая). Как мы уже говорили, сегодня мы живем в эпоху новых коалиций, которая будет рождать и особые формы союзов и партнерств (Гринин 2012; 2016а; 2016б; 2016в; Grinin, Kogotaev 2010; 2011). Полагаем, что тип «друзья-враги» будет характерным для эпохи реконфигурации Мир-Системы (не исключено, что такие партнерства могут сложиться у Израиля с некоторыми арабскими странами). Как долго будет продолжаться такая экспансионистская политика Турции? Конечно, ее длительность во многом зависит от политической судьбы Р. Эрдогана. Разумеется, удачная цветная революция в Турции (попытки которых хорошо известны) либо военный переворот могут изменить внешнеполитический курс страны (например, путем возврата к союзу с США). Но все-таки похоже, что отменить этот курс на экспансию будет не просто и новым турецким лидерам.

2. Рост амбиций Саудовской Аравии. Противоречия между Ираном и Саудовской Аравией. С приходом к власти принца Мухаммеда амбиции Саудовской Аравии как геополитического игрока усилились, что выразилось, в частности, в создании союза с Египтом. Во многом это связано с неприкрытым стремлением Саудов-

ской Аравии ослабить влияние «Братьев-мусульман»¹. Вообще это тоже новое явление: союз монархическо-фундаменталистской страны и светского государства. Как долго он продержится, неясно. У Саудовской Аравии и Ирана давнее противостояние, но постепенно в него вовлекается все больше стран, что усиливает разногласия между шиитами и суннитами (см.: Гринин 2020г).

Между шиитским Ираном, который поддерживает радикальные шиитские режимы и движения (в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке, а также в Йемене), и суннитскими монархическими режимами Залива с Саудовской Аравией во главе существует давний антагонизм. Но в связи с событиями Арабской весны – волнениями в Бахрейне, где Иран также пытался разыграть шиитскую карту, интервенцией в Бахрейн войск саудитов и прямыми столкновениями между режимом ал-Асада и различными оппозиционерами в Сирии, – а также рядом других событий, включая хуситскую революцию в Йемене, этот антагонизм превратился в открытый раскол и яростную борьбу за лидерство в регионе (Гринин и др. 2016: 225).

3. Усилился и продолжает заметно углубляться раскол в исламском ближневосточном и североафриканском мире. Прежде всего необходимо упомянуть раскол в странах Залива (которые до этого, однако, единодушно решили вопрос об интервенции в Ливии в 2011 г.). Откололся Катар, ставший заклятым врагом Саудовской Аравии. Одновременно с расколами возникают и временные союзы по разным интересам, поскольку поссорившиеся страны стремятся упрочить свои дипломатические, военные и иные позиции. Так сложился турецко-катарский альянс (Хайруллин, Коротаев 2018; Васильев, Исаев и др. 2019; Васильев, Хайруллин и др. 2019). *Можно считать, что расколы и временные объединения на Ближнем Востоке продолжатся и в будущем (это соответствует и общему вектору периода реконфигурации Мир-Системы), что будет способствовать нестабильности.*

4. Нельзя не упомянуть о сокращении нефтяных доходов, что сказывается на стабильности режимов Залива, особенно Саудовской Аравии. Вообще ситуация с нефтяными ценами, как и манипуляции с ними, начиная с 2014 г. внесла большой вклад в усиление нестабильности. При этом временные союзы оборачиваются

---

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

обострением вражды между бывшими партнерами. Так, саудиты угрожали «задушить» добычу сланцевой нефти, а российский союз с ОПЕК с 2016 г. временно поддержал цены. Однако в 2020 г. раскол между Россией и Саудовской Аравией обрушил их. Колебания в нефтяной политике – один из важных факторов нестабильности в ближайшие десятилетия. При этом можно предположить, что в итоге роль нефтедобывающих стран существенно уменьшится.

5. Только напомним, что существуют **крупные зоны дестабилизации** (это Ливия, Сирия, Йемен, Афганистан, Сомали, Мали), превращение которых в более или менее стабильные государства – дело небыстрое.

6. Особо следует выделить **курдскую подзону нестабильности** внутри Ближневосточной зоны, которая будет давать о себе знать длительное время. Использование курдов как фактора в геополитической борьбе, как это делали США в Ираке, может продолжаться, что усилит нестабильность (Исаев 2020б)².

7. Помимо курдской, есть сходная **проблема Белуджистана**, территории народа, разделенного между Пакистаном, Ираном и Афганистаном. При этом вооруженный сепаратизм белуджей, численность которых составляет 9 млн человек, длится многие десятилетия. В США время от времени, когда им нужно «нажать» на Пакистан, вспоминают о правах белуджей. В Пакистане есть также проблема так называемого Пуштунистана, северо-западных территорий, примыкающих к Афганистану, где живут родственные афганцам пуштуны и между Афганистаном и Пакистаном, по сути, нет привычной нам границы в связи с особенностями кочевого скотоводства. Кроме того, в Пакистане имеет место еще так называемый синдский сепаратизм (Синд – территория на юго-востоке страны с крупнейшим городом и портом Карачи). Таким образом,

---

² Общая численность курдов превышает 40 млн человек, они составляют примерно 20 % населения Турции и Ирака, 10 % – Ирана и Сирии. И во всех четырех странах курдская проблема далека от взаимоприемлемого решения. При этом важно, что в целом США явно или исподволь поддерживают сепаратистские настроения среди курдов всех четырех стран. Напомним: в свое время в Вашингтоне был разработан геополитический проект Большого Ближнего Востока, в соответствии с которым Курдистан должен получить независимость: Соединенные Штаты стремятся создать буфер между Исламской Республикой Иран, с одной стороны, иракскими шиитами и сирийскими алавитами – с другой. Заодно «курдский козырь» всегда может пригодиться в игре против Багдада, Анкары и Дамаска (Исаев 2020б). Таким образом, курдская проблема долгое время остается источником серьезной дестабилизации.

проблема лишенных государственности народов на Ближнем и Среднем Востоке вполне реальная и сложно решаемая в перспективе.

8. В качестве усиливающего нестабильность фактора (действие которого может быть довольно длительным) следует указать **складывающийся пояс реальных и потенциальных цветных революций**. Он в основном проходит по окраинным государствам бывшего СССР. В настоящий момент такая революция в очередной раз случилась в Киргизии (которая, судя по всему, попала в революционную ловушку, будучи страной кланово-этнически разделенной). Однако и другие страны Средней Азии также потенциально находятся под угрозой. К этому добавляется Афганистан, где также в любое время можно ожидать смены власти (поскольку таджибы не считают легитимным кабульское правительство, стремясь в конечном счете к провозглашению исламского эмирата), и Синьцзян-Уйгурский автономный район, где западные страны давно мечтают совершить революцию. И она может случиться, если Китай когда-либо «отпустит вожжи».

Эти революции инспирируются главным образом США и европейскими странами, однако теперь и Турция вносит свой, хотя и косвенный, вклад, создавая потенциальную угрозу новой революции в Армении (где народ теперь требует отставки своего недавнего любимца и кумира Никола Пашиняна). Впрочем, и ее соседка Грузия вовсе не застрахована от новой цветной революции, последняя также возможна и в воевавшем с Арменией Азербайджане. Наконец, и сама Турция находится под угрозой либо цветной революции, либо военного переворота. Собственно, экспансия Р. Эрдогана во многом связана именно с попытками за счет внешней политики создать противовес внутренним противоречиям.

Таким образом, геополитический фактор влияния разных игроков в сочетании с обострением внутреннего недовольства в различных странах остается на достаточно длительный период фактором возможной дестабилизации.

Отсутствие каких-либо гарантий безопасности для любой страны на Большом Ближнем Востоке дополнительно усиливает напряженность, в результате все лихорадочно вооружаются и угрожают друг другу.

В этом регионе всегда (но теперь, может быть, в еще большей степени) нарушались международные нормы, уже ставшие привычными акты возмездия и терроризма дополняются проявлениями агрессии, становящимися обычным делом (как неочи-

данные бомбардировки Йемена), быстро складываются военные коалиции, которые объявляют войны легитимным лидерам и одновременно легко признают свержение законно избранных президентов. Отсюда угроза постоянной нестабильности (см.: Гринин и др. 2016).

Отсюда можно сделать **вывод**, что, с одной стороны, сложилась мощная петля положительной обратной связи, благодаря которой факторы дестабилизации будут и далее порождать нестабильность. Однако, с другой стороны, реально предположить, что осязтимое изменение международного порядка може начаться именно здесь, в регионе с наибольшим градусом напряжения, где война стала перманентной, а террор – нормой. В таком случае реконфигурация Мир-Системы, которая началась именно на Ближнем Востоке, здесь может и начать трансформироваться в свою позитивную фазу. Но это, конечно, небыстрый и тяжелый процесс.

Библиография

- Васильев А. М., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Кожанов Н. А., Марда-сов А. Г., Семенов К. В., Хайруллин Т. Р. 2019. Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Васильев А., Хайруллин Т., Коротаев А. 2019. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня* 10: 2–9; 11: 2–8.
- Гринин Л. Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2008. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.
- Гринин Л. Е. 2009. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2012. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2016а. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 2. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка. *Век глобализации* 1–2: 3–18.
- Гринин Л. Е. 2016б. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 7. *Арабская весна в глобаль-*

ном контексте / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 191–239.

- Гринин Л. Е. 2016в.** Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.
- Гринин Л. Е. 2018.** Социально-экономические проблемы США и их влияние на дестабилизацию в мире в период президентства Д. Трампа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 508–535.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и Афразийская макрорезона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 146–180.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Продолжающаяся реконфигурация Мир-Системы и возможные процессы дестабилизации в Афразийской макрорезоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 7–16.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрорезоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 181–199.
- Гринин Л. Е. 2020г.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и нестабильность в странах Афразийской макрорезоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 810–828.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Исаев А. 2020а.** Турция и конфликт в Нагорном Карабахе. *Международная жизнь* 8 октября. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27690>.
- Исаев А. 2020б.** «Курдская весна» или «курдская проблема»? *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27793>.
- Тойнби А. Дж. 1991.** *Постижение истории*. М.: Прогресс.

- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2018.** Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 370–428.
- Эскобар П. 2015.** Настоящая история об Иране, США, России и Китае. *Геополитика* 6 марта. URL: <http://geo-politica.info/nastoyaschaya-istoriya-ob-irane-ssha-rossii-i-kitae.html>.
- Эмре А. 2015.** Мигранты – новые варвары Рима. *Россия сегодня* 17 апреля. URL: <http://inosmi.ru/europe/20150417/227576728.html>.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. 2020.** Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures*. URL: <https://doi.org/10.1080/02604027.2020.1801309>.